

Эмиссары. 40 лет спустя

Эмиссары. 40 лет спустя

Джоэль Сэндберг

Ларри Лернер

Мало кто сегодня помнит издававшиеся в СССР миллионными тиражами антиссионистские книжонки, где, среди прочего, клеймили «зарубежных эмиссаров», засылаемых в Союз для подрывной деятельности среди советских евреев. Некоторые из этих «эмиссаров», посетившие недавно Украину с делегацией Объединения комитетов в защиту советских евреев (UCSJ), рассказали «Хадашот» о том, как в 1970-80-е годы активисты американской общины боролись за права человека в СССР и свободу эмиграции. Наши собеседники — президент UCSJ, адвокат Ларри Лернер (Нью-Джерси) и член Совета директоров, известный офтальмолог, Джоэль Сэндберг из Майями.

— Джоэль, Ларри, когда тема борьбы за права советских евреев стала одной из приоритетных для американской общины?

Джоэль: этапным стало ленинградское «Самолетное дело» 1970 года, когда группа из 16 отказников попыталась захватить самолет, протестуя против запрета на свободную эмиграцию из СССР. Организаторы были приговорены к расстрелу, который власти, после вмешательства мирового сообщества, заменили длительными сроками заключения. Так или иначе, но именно этот процесс 1970 года сплотил евреев США в поддержку своих советских соплеменников.

Ленинградский процесс 1970 года сплотил евреев США в поддержке своих советских соплеменников

Ларри: недаром в том же году в Кливленде был учреждено Объединение комитетов в защиту советских евреев (UCSJ), деятельность которого вскоре приобрела всеамериканский характер.

Митинг в поддержку узников Сиона, 1971

— Можно ли назвать эту борьбу одним из маркеров идентичности американского еврейства — тем феноменом, который дает ощущение общине особого предназначения?

Джоэль: проблема советских евреев занимала все-таки второе место после усилий по поддержке Израиля. Хотя для нас — тех, кто работал в UCSJ, эта проблема была приоритетной, и мы пытались «зажечь» ею американцев.

Ларри: кроме UCSJ, во многих крупных еврейских Федерациях в разных штатах существовали секции по правам советских евреев. Я бы сказал, что в 1970-х американских евреев в равной мере волновали оба вопроса — как безопасность Израиля, так и проблемы советского еврейства.

— Насколько были популярны альтернативные точки зрения? Например, о том, что евреи СССР — все равно отрезанный ломоть и усилия надо направить, прежде всего, на решение внутренних общинных проблем или помощь Израилю? Возможно, многие ставили знак равенства между помощью соплеменникам в СССР и, например, поддержкой Движения за равные гражданские права в 1960-х.

Ларри: 1960-е годы были отмечены бурным развитием правозащитного движения, и в конце этого десятилетия некоторые из тех, кто боролся за права афроамериканцев, стали отстаивать права советских евреев.

В общине был определенный раскол между теми, кто в целом боролся за права человека в СССР, и людьми, не желавшими объединять общую проблему прав человека с правом евреев на свободную эмиграцию.

Джоэль: основной нашей целью была помощь отказникам — тем, кто хотел покинуть СССР. (Только в Киеве к концу 1979 г. насчитывалось около двух тысяч отказников, а в марте 1980-го из Киева сообщили, что за предыдущие полгода было получено 70 разрешений и 3 тысячи отказов, — прим. ред.) В этом контексте борьба за права человека в СССР для американской еврейской общины была все-таки вторична. Хотя мы, как могли, поддерживали тех, кто оставался в Советском Союзе, например, отправляли лекарства или финансовую помощь людям, которых увольняли с работы после подачи

заявления в ОВИР, ставили вопрос о правах политзаключенных — но все это было на втором плане по сравнению с борьбой за свободу эмиграции.

— Ощущалась ли поддержка со стороны нееврейских организаций или государственных структур? В Советском Союзе ведь на большинство западных евреев, искавших контакта с советскими соплеменниками, навешивали ярлык агента ЦРУ.

Джоэль: поддержка была значительной — как со стороны различных христианских групп, просто рядовых американцев, устраивавших демонстрации в Вашингтоне, так и среди конгрессменов. В частности, авторы знаменитой поправки Джексона-Вэника, ограничивающей торговлю со странами, препятствующими свободе эмиграции, вовсе не были евреями.

(UCSJ в Майями в 1976 — 1988 гг. выпускал серию книг об отказниках. На каждом развороте была представлена отдельная отказная история, включавшая семей-ную фотографию, биографические данные и об-ращение одного из членов семьи. «Эти книги широко использова-лись нашими активистами и истеблишментом, — вспоминает Адель Сэндберг. — Они вдохновили даже членов Конгресса на официальный протест». Каждый день один из конгрессменов зачитывал с трибуны историю одной из семей, и все это заносилось в протокол Конгресса, ста-новясь, таким образом, официальным документом, — прим. ред.).

Ларри: когда в 1979-м Госдеп хотел отменить поправку Джексона-Вэника, то люди из UCSJ и низовых организаций этому противостояли, поскольку проблема отказников была далека от решения. В конце концов, UCSJ усилил свои позиции в Конгрессе, и поправка так и не была отменена.

Адель и Джоэль Сэндберг вручают премьер-министру Израиля Менахему Бегину один из ежегодников UCSJ, посвященных судьбам отказников, конец 1970-х

— Как мобилизовывались средства и люди для визитов в СССР, переправки литературы, встреч с диссидентами? Много ли было добровольцев, и по каким критериям они отбирались?

Джоэль: у нас было много волонтеров, и если кто-то из них не мог позволить себе купить тур в СССР, им помогали местные еврейские Федерации. Например, мы в Южной Флориде собирали пожертвования на эти цели — кто-то за свой счет приобретал «туристам» билет, а я — как врач — покупал за свои деньги лекарства для отправки отказникам. Все это делалось на волонтерских началах — нас не финансировало правительство или государственные структуры.

У нас было много волонтеров, и если кто-то из них не мог позволить себе купить тур в СССР, им помогали местные еврейские Федерации

Ларри: все, что мы отправляли, — от джинсов и сигарет до молитвенников — все было приобретено на средства волонтеров.

— Еврейские эмиссары обычно приезжали в СССР в составе туристических групп или поводы для визитов были достаточно разнообразны? Сколь часто советские власти догадывались об истинной цели таких визитов, организовывали слежку, а то и задерживали непрошенных гостей?

Джоэль: мы отправлялись в СССР в составе групп, организованных «Интуристом», — другого способа не было. В течение дня проводили время с группой, а вечером и ночью брали такси и ехали к отказникам — разумеется, не всегда это можно было скрыть, тем более, что большинство таких встреч происходили дома. Некоторых власти задерживали, иногда — в основном из провинции — даже депортировали.

Я за 20 лет лично проконсультировал более 300 человек, которые отправлялись в СССР, — иногда это были супружеские пары, иногда группы из 4-6 человек. Мы рекомендовали им выучить алфавит, советовали, какие вещи можно взять в качестве подарков. В идеале эти люди должны были выглядеть как местные, но все равно за версту было видно, что они американцы. На заранее приобретенные карты Москвы наносились адреса отказников, и мы рассказывали «подопечным», как добраться до той или иной улицы, желательно, избежав «хвоста». Удобнее было добраться на такси, но его не всегда удавалось поймать.

Ларри: нам объясняли какие-то элементарные вещи — как пользоваться советскими телефонами-автоматами (нас снабжали монетами достоинством в 10 центов, которые по размеру идеально соответствовали советским двум копейкам), советовали никогда не звонить из отеля, рассказывали об особых

средствах коммуникации. Очень пригодились, например, детские панели для рисования — квартиры отказников часто прослушивались, поэтому иногда мы переписывались и тут же стирали написанное.

Были инструкции и в отношении того, что лучше везти в СССР. Однажды мне посоветовали привезти консервированного тунца, а в другой раз, узнав, что в России дефицит презервативов, — я привез их целый чемодан — явно не для личного пользования.

— Когда вы впервые приехали в СССР, и каковы были первые впечатления от страны победившего социализма? С кем пришлось встретиться, что вам особенно запомнилось в первой поездке?

Джоэль: в 1975-м мы с женой приехали в Кишинев (в городе жили тогда 50000 евреев) и посетили еврейского активиста Марка Абрамовича. У его дома нас встретили восемь агентов КГБ — при этом сам Абрамович нас в тот день не ждал. Мы представились как друзья Марка из Майями, КГБ-шники спросили, не боимся ли мы и, получив ответ «нет», сказали: «Ну, тогда заходите». Мы провели четыре вечера с Марком и другими отказниками — каждый вечер приходили новые люди и рассказывали свои истории.

Ларри: в каждой гостинице были коридорные, докладывавшие о перемещениях западных туристов. Однажды одна из этих коридорных вошла в мой номер, увидела пачки американских сигарет и изобразила, словно утюжит вещи. «Вы хотите обменять сигареты на гладку?», — спросил я. Она молча показала на потолок, дав понять, что здесь все прослушивается. В общем, мы договорились при помощи жестов, и она погладила мне одежду — все это в полнейшем молчании.

В каждой гостинице были коридорные, докладывавшие о перемещениях западных туристов

В 1989-м — уже вовсю шла Перестройка — в Черновцах коридорный в отеле

пригласил меня в отдельную комнату встретиться с неким чиновником (он не сказал из КГБ, но это подразумевалось). Посетитель поинтересовался, почему я не был утром на экскурсии, проведя все время в отеле. «Так сегодня же шел дождь», — ответил я, и моего визави устроил такой ответ. «Вы знаете отказников?», — спросил он. Я не понял, о чем он говорит (мы употребляем слово *refusenik*), и честно ответил: «Нет». В конце он спросил, что американцы думают о Горбачеве, и я сказал, что они его любят.

В тот вечер я как раз должен был встретиться с Иосифом Зисельсом у него дома и, как назло, не мог заказать такси. Даже высоко поднятая пачка «Мальборо» не помогала — никто не хотел останавливаться. В конце концов, я добрался до места назначения, мы поговорили и тогда я задумался, что пару часов назад утверждал, что не знаю, кто такие отказники, а сейчас встречаюсь с одним из самых опасных, с точки зрения черновицкого управления КГБ, евреев.

— Не идеализировали ли вы и ваши товарищи советских евреев? Я имею в виду не тех идеалистов, с кем вы встречались в 1970-е, а людей, приехавших на волне массовой эмиграции в начале 1990-х.

Джоэль: из СССР выехал миллион евреев, но отказников среди них было всего несколько тысяч плюс несколько сот узников совести — вот их мы идеализируем. Мы восхищаемся людьми, которые занимались еврейской деятельностью в СССР, — они были подлинными лидерами, открывшими двери еврейской эмиграции. А после них эмигрировали сотни тысяч разных людей — и их мы вовсе не идеализируем, хотя понимаем, что для сохранения их еврейской идентичности отъезд стал очень важным фактором.

— Поддерживаете ли вы отношения с кем-то из тех, кто принимал вас в СССР в 1970-х?

Джоэль: мы до сих пор общаемся с семьей Марка Абрамовича, когда моя жена Адель в 70 лет проводила свою бат-мицву, они были в числе приглашенных. Мы также дружим с коллегами из Франции, Великобритании и Израиля, с которыми вместе на протяжении многих лет помогали отказникам. Все, что они делали, — не ради денег или славы — это была исключительно волонтерская миссия.

Вице-президент UCSJ Джуди Паткин из Бостона продолжает поддерживать евреев-пенсионеров в Украине. Инид Вертман, долгое время сотрудничавшая с UCSJ (ее супруг даже был председателем UCSJ), сама репатрировалась в Израиль и помогает бывшим отказникам, получающим низкие пенсии.

Ларри: мы тепло общаемся с парой из Эстонии, которой Ларри и Адель — ангелы Сандберги, как мы их называли, — помогли выехать из СССР. Я привез им тогда билеты — они выехали в том, в чем стояли. Мы выпили с ними немало водки.

Совсем недавно они отмечали 25-ю годовщину выезда — мы с женой были приглашены к ним домой, и это был вечер воспоминаний.

— Когда пал железный занавес, не появилось ли у американских борцов за права евреев в СССР ощущение некоей опустошенности, ведь цель была достигнута...

Ларри: в UCSJ решили, что нужно открыть офисы по защите прав человека в странах бывшего СССР, и эти офисы стали со временем нашими партнерами. Они занимаются и еврейскими проблемами, и в целом вопросами соблюдения прав человека. После распада СССР многие решили, что борьба завершена, но люди, вроде меня, продолжили работу по мониторингу прав человека.

— Насколько вам удалось передать детям вирус гражданского активизма, верность еврейскому принципу тикун олам?

Ларри: думаю, что в полной мере. Никто из членов моей семьи не изменил либеральным взглядам в целом и целям правозащитного движения, в частности. И мой сын — раввин, и второй сын — атеист — разделяют мои идеалы.

Джоэль: мы брали своих детей на митинги в поддержку советских евреев (старшая дочь Сэндбергов — Шерил — исполнительный директор facebook, одна из 50-ти наиболее влиятельных женщин в международном бизнесе, — прим. ред.), и эти ценности они впитали с детства.

**Беседовал Кирилл Данильченко,
специально для «Хадашот»**

Это было, было...

В глухое советское время в Новосибирске четверо отказников вызвали панику, обратившись в горисполком с просьбой зарегистрировать демонстрацию, которую они намеревались провести 25 апреля 1981 года в центре города (маршрут был точно указан) с плакатами «Вся власть Советам!», «Да здравствует демократия!» и с цитатой из речи Брежнева на XXVI партсъезде о необходимости выполнения всех советских законов. Авторы письма указывали, что цель демонстрации — обратить внимание общественности на игнорирование советских законов в Новосибирске, в частности, в отношении жителей города, добивающихся выезда из СССР.

Письмо было разослано в 55 инстанций Новосибирска и в центральные органы власти. В день демонстрации милиция оцепила не только квартиры авторов письма, но и улицы по указанному маршруту шествия. По городу ходили слухи о намечающейся многотысячной демонстрации. Двое из четырех подписавших письмо вскоре получили разрешение на выезд...